

россия молодая

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

ПРОЗА "РЕЗОНАНС"

Коллектив авторов

Горячие точки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174415

Горячие точки: ИТПК; М.; 2003

ISBN 5-88010-161-4

Аннотация

В новой книге серии «Россия молодая» представлена современная военная проза, звучавшая по «Радио „Резонанс“; повести и рассказы нового поколения писателей-фронтовиков, прошедших через „горячие точки“ последней четверти XX века от Афгана, Средней Азии, Приднестровья до Сербии и Чечни. Валерий Курилов штурмовал дворец Амина; Александр Игумнов – вертолетчик в Афгане; Сергей Белогуров воевал в Таджикистане, погиб в Боснии; Вячеслав Шурыгин – военный журналист, доброволец в Сербии и Приднестровье; Николай Иванов – военный журналист, прошедший через плен в Чечне; Петр Илюшкин – офицер-пограничник на Северном Кавказе; Валерий Горбань командовал ОМОНОм в Чечне; Владимир Гуреев – военный корреспондент Рен-ТВ. Каждый из них рассказывает о том, что видел, испытал сам. Герои их повестей и рассказов русские воины, которых объединяет одно, – любовь к Родине и трудная судьба солдата нашего времени. Кто они? Ради чего рискуют жизнью? Во что верят? Чем живут? Перед

нами та самая „окопная правда“, с которой в „Севастопольских рассказах“ входил в литературу Лев Толстой, а после Великой Отечественной – Виктор Некрасов, Константин Воробьев, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Евгений Носов...

Содержание

Валерий КУРИЛОВ	5
ОПЕРАЦИЯ	5
«ШТОРМ-333» (АФГАНИСТАН-79)[1]	
Документальная повесть	
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Коллектив Авторы

Горячие точки

Валерий КУРИЛОВ

ОПЕРАЦИЯ

«ШТОРМ-333» (АФГАНИСТАН-79)¹

Документальная повесть

Пролог

Мне бы хотелось предварить свое повествование некоторыми замечаниями.

В те времена мы, сотрудники КГБ СССР, жили по правилу: то, что тебе положено знать, твое руководство тебе сообщит, а что не положено – не надо и пытаться узнать. Эта формула – золотое правило всех спецслужб

¹ Журнальный вариант.

мира. Именно поэтому и я, и другие офицеры-оперработники, став бойцами отряда специального назначения «Зенит», прекрасно понимали свою роль. Мы тогда были просто бойцами. Мы осознавали, что к нам будет поступать только та информация и в том объеме, который необходим для выполнения конкретного задания, приказа. Каким бы фантастическим или абсурдным этот приказ ни казался, мы были готовы выполнить его точно и в срок! Нас учили, что для спецназа невыполнимых задач нет.

Поэтому, не обладая в те времена всей полнотой информации, зачастую я не мог доподлинно знать истинной подоплеки событий, поводов и побудительных причин поступков государственных деятелей, которые толкали, двигали колесо истории в ту или другую сторону (газетные публикации и так называемые «официальные» версии событий по понятным соображениям я в расчет не принимаю). Хотя, конечно, о многом я и догадывался, наблюдая движения этого самого «колеса», а также то, что происходило при мне или при моем участии.

Мне и сейчас трудно дать однозначную оценку правомерности наших действий с точки зрения политической целесообразности и необходимости, поскольку я не располагаю необходимым объемом документальных материалов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть ту или иную точку зрения на начало афганских событий. Да и не хочется сбиваться на политику, которая и так всем надоела (хотя

от нее никуда не деться!)).

Велик был соблазн рассматривать эти события с точки зрения того, что известно сейчас, когда всем и все можно говорить, когда появилось множество описаний афганской эпопеи, причем все они в той или иной мере разнятся между собой, во многом противоречат друг другу. По возможности я старался избегать этого.

Человеческое восприятие уникально и неповторимо: одни и те же люди, наблюдавшие одни и те же события, могут совершенно искренне и «объективно» описывать их совершенно по-разному. Это отлично знают ученые-психологи, следователи и оперработники спецслужб. Так уж устроен человек! Иногда и впрямь задумаешься: а возможно ли на самом деле объективно реконструировать события прошлого?

В нашей стране (да и не только в нашей – так уж, повторю, устроен человек; так уж устроено человечество) с приходом к власти нового политического лидера всегда первым делом «исправлялась» и «переписывалась» заново история, которая с каждым новым политическим «сдвигом» становилась все запутаннее и недостовернее.

В результате мы имеем то, что имеем. Ведь порой история бывает схожа с действительно имевшими место событиями только некоторыми датами да еще местом событий. Но исходя из «политических принципов» и «воспитательных соображений» можно изменить и даты и места!

А можно и вообще «опустить» сами эти события. И когда умрут их последние очевидцы, – окажется, что этих событий и не было вовсе!

А мне очень бы не хотелось такого результата.

В те уже далекие времена мы были молоды, энергичны и простодушны. Нас связывала крепкая боевая дружба. Причастность к одному из наиболее элитных специальных боевых формирований, которому было поручено реализовать совершенно фантастическую операцию, придавала нам чувство гордости и за себя и за Державу. Именно память о тех временах, память о моих друзьях заставляет меня взяться за перо и запечатлеть на бумаге то, что может так легко забыться и кануть в Лету.

Я не исключаю, что в моем повествовании могут встретиться неточности в изложении каких-то деталей: ведь я тогда не фиксировал специально чьи-то слова, высказывания, не вел дневник (это было категорически запрещено!), не копил про запас черновики секретных оперативных документов (как и положено, эти черновики я уничтожал в установленном порядке).

Просто я постарался изложить события так, как я это видел и воспринимал тогда, в далеком 1979 году...

Глава 1

Снижаясь, самолет совершал множество кругов над се-

ро-коричневым пространством с коробками домиков и полосками полей, которые лежали в кольце гор. Сверху эти горы, лишенные даже признаков растительности, были похожи на скомканную коричневую оберточную бумагу. Потом самолет пошел на посадку, содрогнулся, коснувшись колесами бетонки, заревел двигателями и задрожал, притормаживая.

Только тогда я вспомнил, что сегодня день моего рождения. Тридцать лет – это тебе не шутка! Это уже возраст! И вот где довелось оказаться...

Мы прилетели в Афганистан! И наш самолет бежал по взлетно-посадочной полосе Кабульского международного аэропорта.

Мы – это отряд специального назначения КГБ СССР под кодовым названием «Зенит»: тридцать восемь офицеров, тридцать восемь молодых и здоровых бойцов, прошедших парашютно-десантную, минно-взрывную и специальную оперативную подготовку. Каждый из нас владел одним или двумя иностранными языками, приемами рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием, имел опыт контрразведывательной и разведывательной деятельности. Мы были обучены в автономном режиме вести поиск и осуществлять дерзкие силовые акции на вражеской территории. Мы были готовы выполнить любой приказ и жаждали на деле испытать приобретенные навыки.

Мы ничего и никого не боялись. Не боялись и смерти: чем страшнее, тем интереснее! В то, что смерть может настиг-

нуть кого-то из нас, тогда просто никто не верил. Каждый в душе полагал, что уж он-то наверняка уцелеет. А если и придется. Ну что ж, наверное, ничего страшного: это ведь очень быстро: чик – и нету!

Самолет неторопливо катился, переваливаясь и постепенно замедляя ход. Все припали к иллюминаторам. За бортом проплывали неказистые аэродромные строения, самолеты на стоянках: транспортники, истребители с зачехленными двигателями. На отдельной стоянке приткнулись вертолеты с обвисшими лопастями винтов. Аэродром лежал в чаше между голых каменистых гор.

Наконец мы остановились, заглохли двигатели. Подкатили трап. Техник в аэрофлотовской форме открыл люк, и в салон хлынул полуденный пыльный жар. Воздух над бетонными плитами аэродрома дрожал и переливался, искажая перспективу.

Афганистан. Кабул. Июль 1979 года...

Что мы тогда знали об этой стране? Да почти ничего.

Ну промелькнуло как-то в газетах сообщение о том, что в Афганистане произошла какая-то революция. Да еще на память приходило название старого фильма «Миссия в Кабуле», где игравший нашего разведчика-нелегала актер Глузский под видом хазарейца в лохмотьях катал по городу тележку и что-то там разведывал, кого-то спасал... Еще вспоминалось, что там жарко, что там живут кочевники («на лицо ужасные, добрые внутри!») и что у нас с Афганистаном

всегда были хорошие отношения. А еще зимой этого года в наших газетах были сообщения о том, что в Кабуле какие-то террористы убили американского посла. Вот, пожалуй, и все.

Правда, перед вылетом нам предоставили справочные материалы о стране: в Афганистане проживает, по приблизительным подсчетам, около 13–15 миллионов человек, промышленности практически нет, большинство населения занято сельским хозяйством, скотоводством. Долгое время страной правил король Захир-Шах – вроде был неплохой мужик и к нам относился хорошо. Потом был дворцовый переворот, и место короля, который, кстати, успел уехать в Италию (молодец, сумел выбрать хорошее место!), занял его дядя по имени Дауд. Но Дауд тоже не смог удержать власть: в 1978 году здоровые силы афганского общества объединились и сплотились вокруг Народно-демократической партии Афганистана (сокращенно – НДПА), которая считала Дауда тираном. Ведомый партией, добрый, веселый и трудолюбивый афганский народ совершил Великую Апрельскую революцию. Тиран был свергнут. К власти пришел народ во главе с хорошим лидером по имени товарищ Нур Мухаммед Тараки. Именно он был главой Народно-демократической партии Афганистана.

Но силы реакции не успокоились. Они организовали активное сопротивление прогрессивному режиму народной власти и стали осуществлять саботаж, террор и диверсии. За контрреволюцией стояли США, Китай, еще какие-то злоб-

ные силы, которые в бессильной злобе... ну и так далее. Развязан террор. Гибнут лучшие сыны афганского народа.

Дружески настроенное по отношению к нам новое правительство страны попросило у СССР помощи. Афганистану, нашему мирному южному соседу, грех не помочь: нельзя его отдавать на растерзание мировому империализму и реакции. Ну что ж, помочь – так помочь! И вот мы здесь.

А для меня вся эта афганская эпопея началась почти год назад.

Глава 2

За окном моросил мелкий нескончаемый дождь, и под порывами ветра холодные капли барабанили по стеклу. Я, тогда еще старший лейтенант, оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела (контрразведывательная работа по инодипломатам и интуристам) областного Управления КГБ СССР, тихо и мирно сидел в своем кабинете на четвертом этаже недавно отстроенного здания (старое, постройки прошлого века, совсем пришло в негодность) и готовил отчет о работе за год. Радиоприемник вполголоса бубнил об итогах очередной битвы за урожай и подготовке к зиме тружеников полей. Позади был бурный туристический сезон, впереди маячила долгая и слякотная зима... Мне казалось, что в этой устоявшейся жизни не может быть никаких изменений, ничего не может случиться яркого, интересного.

Я не мог знать, что именно сейчас затейница-судьба отсчитывает последние секунды перед решительным вмешательством в плавный и, казалось бы, нерушимый ход моей жизни.

И вот свершилось: зазвонил телефон. В качестве гонца, принесшего мне известие о необходимости моего участия в грядущих событиях, был избран начальник моего отдела, который буркнул в трубку:

– Зайди!

Явившись на зов начальства, я узнал, что пришла разнарядка на учебу в Москву и руководство Управления решило направить именно меня, и что это – большая честь и огромная ответственность.

По простоте душевной я тут же подумал, что меня хотят отправить учиться в 101-ю Школу (так тогда называлось учебное заведение, где готовили кадры для внешней разведки). Однако оказалось, что до 101-й Школы мне было еще очень далеко. Для такого рода учебы у нас в Управлении еще были не оприходованы более родовитые, чем я, молодые сотрудники (те, чьи родители или ближайшие родственники занимали хорошее служебное или партийное положение). Куда уж мне было с ними тягаться!

Выяснилось, что меня отправляют учиться на Курсы усовершенствования офицерского состава, сокращенно – КУ-ОС, а в просторечии – «курсы диверсантов».

Учеба начиналась с января и заканчивалась в августе. Эти

курсы, насколько я знал, находились под эгидой Управления «С» ПГУ КГБ СССР (нелегальная разведка). Прошедшие эти курсы молодые опера со знанием иностранных языков заносятся в спецрезерв нелегальной разведки в качестве командиров или заместителей командиров групп специального назначения. При наступлении «особого периода» или во время войны эти группы, доукомплектованные резервистами: разведчиками, подрывниками и радистами, – планировалось забрасывать на вражескую территорию для реализации специальных силовых акций, а также для ведения агентурно-оперативной работы в тылу противника. Этим группам должна была передаваться агентура, находящаяся до поры до времени на связи у наших легальных резидентур. По завершении учебы прошедшие спецподготовку опера, как правило, возвращались в свои подразделения. Правда, по слухам, некоторым удавалось закрепиться в Москве, но таких было мало. Все отмечали, что на этих спецкурсах дают очень большую физическую нагрузку, и якобы некоторые не выдерживали, просились обратно в свои управления.

Конечно, я мог бы отказаться, сославшись, например, на отсутствие постоянной квартиры (мы тогда снимали заброшенную квартиру на окраине города), на многочисленность семьи (уже тогда у меня было двое детей) и прочие обстоятельства.

Однако, с другой стороны, мне было вовсе безразлично, что обо мне подумают начальство и коллеги по работе, если

я откажусь.

А кроме всего прочего, мне, сказать по правде, самому было очень интересно: нелегальная разведка, парашют, пятнистый маскхалат, диверсии в глубоком тылу врага, приказ сурового, но справедливого командира: «Идите, лейтенант, и без „языка“ не возвращайтесь!» Ну и так далее... Романтика!

Надо сказать, что в те времена мы были простодушны и доверчивы. Мы полагали, что нашей могучей державой руководят мудрые и толковые головы, которые, на основе единственно правильной и верной марксистско-ленинской теории, все просчитывают и учитывают. Мы верили, что временные трудности и перебои с продовольствием рано или поздно кончатся, рассосутся как-нибудь; что впереди у нас — светлое, блистательное и спокойное для всего нашего народа будущее. Только вот несколько раздражал престарелый Леонид Ильич, который неумоимо награждал себя все новыми и новыми наградами. Это было очень чудно: и смех и грех! А вообще-то, воспринималось, как невинное чудачество старого, постепенно выживающего из ума человека, за спиной которого, однако, как нам представлялось, стоят мудрые и верные, недремлющие и не знающие сомнений. Уж они-то маху не дадут, они-то твердо знают, куда и зачем нам всем надо идти!

Глава 3

Кабул лета 1979 года даже и не подозревал, что по его улицам уже едут те, кому всего через несколько месяцев будет суждено первыми вступить в бестолковую, наверное, никому не нужную (а может быть, и нужную – кто его разберет!) войну. Эта война с нашим участием продлится десять долгих лет, исковеркает жизни не одному поколению людей. И даже когда мы уйдем из Афганистана, война не остановится, а вспыхнет с новой силой и уже полностью разорит и практически развеет по ветру то, что когда-то называлось государством Афганистан. А ведь намерения вроде бы были самые хорошие: мы просто хотели навести порядок. Но, как сказал какой-то мудрец, в этом мире осталось очень много беспорядка после тех, кто хотел привести его в порядок.

Да мы тогда не знали и не могли представлять возможных последствий нашего появления здесь. А посему мы просто с любопытством глазели из окон автобуса на мелькавшие мимо многочисленные витрины дуканов, базарчики, на чудно одетых в просторные светлые портки и рубахи местных мужиков и на закутанных в чадру (по такой жаре сопеть можно!) женщин, на запряженных в тележки осликов. Мимо проезжали иностранные легковые автомобили: допотопные «опели» и «фольксвагены», блестящие новенькие «тойоты» со скошенными практически на нет капотами (послед-

ний писк автомобильной моды!). Здесь были и наши «Волги», УАЗы, «Жигули». Ревели смрадно чадающие разномастные грузовики с высокими кузовами, расписанными яркими примитивными картинками, изображавшими каких-то невиданных животных, китов и птиц. В одном месте на перекрестке я заметил бэтээр. На глаза часто попадались солдаты, одетые в форму мышиноного цвета. Некоторые были с оружием: встречались наши АКМы, ППШ, карабины и винтовки. Реже в толпе мелькали щеголеватые офицеры в фуражках с невероятно высокими тульями.

Когда автобусы заворачивали на проспект Даруль-Аман, где располагалось наше посольство, я заметил на углу портняжную мастерскую, на витрине которой красовались афганские офицерские кители и фуражки. Я подумал, что неплохо было бы купить такую фуражку в качестве сувенира, чтобы потом, когда все кончится, рассказывать о своих приключениях в далеких краях и под охи и ахи родственников, друзей и знакомых демонстрировать чудной головной убор. Я тогда и думать не думал, что через десяток с небольшим лет и в нашу армию придет латиноамериканско-азиатская мода на офицерские фуражки с вызывающе высокой тульей и блестящими бляшками. Мне до сих пор эта мода кажется смешной, а кроме того, вроде бы стыдно армии великой державы перенимать украшательские элементы с формы войск развивающихся стран. И вообще, это похоже на то, как в былые времена солдаты стройбата, остро чувствующие свою неполноцен-

ность как воинов (многие из них за всю службу и автомата в руках не держали!), на дембель цепляли себе на мундиры купленные значки парашютистов, «За кругосветное плавание» и прочие атрибуты воинской «крутизны». Кстати сказать, фуражку я так и не купил.

На территорию советского посольства мы заехали через запасные ворота и стали разгружаться. В отдельном помещении поселилось наше руководство: командир отряда полковник Бояринов Григорий Иванович, инструктор по специальной физической подготовке, а ныне – заместитель командира подполковник Долматов Александр Иванович, еще один заместитель (по политической части) – Глотов Василий Степанович, который был офицером Первого Главка, а также несколько наших преподавателей с КУОСа и трое наших бойцов. Это был наш штаб. Там же хранились ящики с оружием и боеприпасами, все наши съестные припасы (сухпайки). Ребята развернули радиостанцию для связи с Центром, работа началась.

От непривычно сухого воздуха (более полутора тысяч метров над уровнем моря – недостаток кислорода) во рту все пересохло, страшно хотелось пить и спать.

Мы расположились в большой комнате на раскладушках. Постельного белья пока не было, да и Бог с ним, и без него было жарко и душно. Вещмешок с личными вещами – под раскладушку, обернутый полотенцем полиэтиленовый пакет с чистыми носками – под голову (чем не подушка!), автомат

и поясной офицерский ремень с пистолетом, ножом, подсумками и гранатами – под правую руку; вот и все размещение.

Всухомятку кое-как перекусили. Я достал припасенную бутылку водки (в отряде был введен строгий «сухой закон», но ведь мы еще не начали воевать, а только размещаемся), и все по глотку выпили за новорожденного, то есть за меня, хорошего. Вот и отпраздновал свой день рождения!

Поступила команда: «Выходи строиться!»

Построились в коридоре. Все были одеты в новую, еще не обношенную толком спецназовскую форму песочного цвета, которую нам выдали в Москве.

Командир произнес небольшую речь, смысл которой сводился к тому, что мы теперь переходим к жизни в условиях военного времени. Обстановка тревожная. Возможны провокации со стороны сил, оппозиционных нынешнему прогрессивному режиму страны. Не исключены нападения на наше посольство. Предельная бдительность и осторожность. Беспрекословное подчинение. То, что нужно будет довести до нашего сведения, будет доводиться по мере необходимости.

Наша ближайшая задача – круглосуточная охрана и оборона территории посольства, изучение обстановки, рекогносцировка на местности.

Потом выступил офицер безопасности посольства полковник Сергей Гаврилович Бахтурин. Он предупредил нас, что морально-психологический климат в посольстве весьма

своеобразен, и поэтому нам не следует общаться с сотрудниками и служащими посольства, особенно с одинокими женщинами (которых здесь, оказывается, очень много – секретарши, машинистки и т. п.). Эти одинокие женщины, по словам офицера безопасности, будут пытаться устанавливать с нами интимные отношения.

– Так вот, кого застукаю – немедленно откомандирую в двадцать четыре часа, с позором и вонью! – вещал Бахтурин, оглядывая нас осуждающим взглядом, словно мы уже неоднократно совершили аморальные действия со всеми сексуально озабоченными одинокими женщинами посольства и его окрестностей.

Из его дальнейшей речи следовало, что нам по возможности вообще надо избегать попадаться посольским на глаза. Тем более с оружием и в форме. Особенно предостерег в отношении жены посла (посольские за глаза называли ее «мама»). Оказывается, она заранее вознегодовала, узнав, что приедут «солдаты» – по ее представлению, грязные, вонючие и грубые, – которые будут жить в посольской школе.

– Ведь там потом дети должны будут учиться! – содрогаясь в благородном ужасе, говорила посллица.

«Мама» заявила, что сама, лично каждый день будет контролировать состояние помещений и прилегающей территории.

Пользование большим бассейном посольства «мама» категорически исключила для нас: «Ведь там купаются женщи-

ны и дети!»

Нам нельзя было купаться и в маленьком бассейне перед школой.

– А где же мыться? – спросил кто-то из строя.

– Душевых здесь вроде бы не видно... – вполголоса озвученно заметил Долматов, – бойцам необходимо соблюдать гигиену.

Оказывается, и этот вопрос «мама» предусмотрела. Мыться (и стираться?) нам можно будет на заднем глухом дворе школы, пользуясь резиновым шлангом для поливки газонов.

Мы переглядывались друг с другом: как-то все это звучало диковато и малопонятно. Ведь мы приехали сюда не по своей прихоти и не отдыхать: мы приехали защищать, проливать за них и чужую, и свою кровь! А здесь такое отношение... Что же они – нелюди?

До этого никто из нас за границей еще не был, и мы, естественно, не могли знать, что многие посольские, торгпредские и прочие члены совколоний (колоний советских граждан, находящихся в заграникомандировке) – это особая каста, которая здорово отличается от нормальных людей. Это было общество избранных, в котором, несмотря на постоянную текучку кадров (заграникомандировки ведь не вечны!), десятилетиями сохранялись и действовали совершенно непонятные и для непосвященного человека странные, никем не

писанные, но свято оберегаемые и неуклонно соблюдаемые нравы, нормы и правила поведения и взаимоотношений.

Этот абсурдный мир существовал сам по себе, он был создан, взлелеян, детально расписан и накрепко вбит в души людей, видимо, нашими номенклатурными бонзами – «слугами народа». Ведь именно многие из них, проворовавшись, оскандалившись, натворив или отчебучив что-то такое, что не лезло ни в какие ворота, что не укладывалось не только в рамки приличия, но и в рамки законодательства, отправлялись не в тюрьму, не на увольнение без пенсии, а – с глаз долой: руководящими работниками за границу.

Обо всех этих внутрипосольских делах я узнал много позже. Да... Тогда мы еще многого не знали. Хотя и догадывались, что «не все ладно в датском королевстве». Но ведь мы и сами были детьми этого мира, а поэтому многое воспринимали как само собой разумеющееся: сначала кажется диковатым, а потом – вроде бы так и надо. А вообще-то, по сравнению с нынешними «закидонами» сильных мира сего и существующими в настоящее время порядками (а вернее сказать – «понятиями») в наших заграничных, да и иных учреждениях, все прошлые дела кажутся просто детскими шалостями!

Глава 4

И вот потянулись дни по формуле «шесть через двена-

дцать». Это означало, что шесть часов боец несет службу, двенадцать часов отдыхает. Вернее, на время для отдыха (сна) было выделено всего шесть часов, остальные шесть – пребывание в резервной группе быстрого реагирования. То есть бодрствовать в форме и при оружии.

На плоских крышах четырехэтажных зданий по всему периметру обширной территории посольства мы оборудовали огневые ячейки из мешков с песком. В наряд заступали двое. Вооружение штатное: автомат, пистолет, двойной боекомплект, штык-нож, гранаты. А кроме этого еще один ручной пулемет (или снайперская винтовка), бинокль, радиостанция.

Днем, лежа на плащ-палатке, брошенной на бетон крыши, я часами, глядя в бинокль, наблюдал чужую жизнь чужого для меня народа – афганцев.

Строения местных жителей начинались метрах в ста от каменного посольского забора. Дома были одноэтажные и двухэтажные, причем первые этажи, как правило, были сложены из самана (самодельные кирпичи из обожженной глины) и побелены, а вторые были деревянными и напоминали наши голубятни. Над домами торчали какие-то шесты с болтающимися на них полуистлевшими тряпками, над некоторыми крышами были антенны. Каждый дом был обнесен корявым забором из того же самана, хотя кое-где участки забора были из гофрированного металла. Территория вокруг была захламленная и пыльная. Под испепеляющими лучами

солнца лениво бродили облезлые собаки и кошки.

В пыли копошились одетые в лохмотья грязные дети. В бинокль я смог разглядеть, что у маленьких девочек, несмотря на убогую одежду, лица нарумянены, глаза и губы подкрашены. Тогда я только подивился этому, а позже узнал, что по местным обычаям, особенно в деревнях, детей специально одевают плохо, более того, им специально пачкают лица: это якобы спасает их от дурного глаза. А макияж на девочек наносят их матери, чтобы с самого детства они выглядели красиво.

На небольшой площадке подростки постарше, пыля, азартно играли в волейбол через веревку.

По утрам из узких переулков выходили люди, в основном мужчины, одетые весьма прилично, многие в пиджаках, некоторые при галстуках. Они шли через пустырь к проспекту Даруль-Аман, видимо, на работу.

Чуть позже появлялись женщины с сумками: наверное, шли на базары за покупками. Через какое-то время они возвращались, и над домами и дворами показывались небольшие дымки: готовилась еда. Иногда ветерок доносил до меня запахи свежее испеченного хлеба или лепешек, реже – аромат жареной баранины: рядовые жители Кабула жили весьма скромно и мясо ели не каждый день.

Потом, когда солнце поднималось в зенит и начиналась дикая жара, наступало затишье. Все живое пряталось в тень. Эх! А все-таки хорошо было на КУОСе!

Наш объект находился в лесу. Среди старых могучих сосен стоял двухэтажный деревянный коттедж, где мы жили по два-три человека в комнате. Объект был построен до войны, еще в 1936 или в 1937 году, и с тех пор использовался для подготовки разведчиков-нелегалов и групп специального назначения. Говорят, именно здесь готовился перед заброской к немцам знаменитый Кузнецов. Кого только не видели эти старые сосны и стены коттеджа! Если б только они умели говорить... А потом здесь была 101-я Школа. Сколько народу прошло через этот объект! Кто навстречу славе, а кто навстречу смерти.

Как поется в одной из наших куосовских песен:

...Если гром беды великой грянет,
В неизвестность улетят они...

Вот и мы улетели в неизвестность.

А между тем жизнь шла своим чередом и ставила перед нами все новые и новые задачи.

По указанию руководства ввели круглосуточное патрулирование по внутреннему периметру посольства. Занятие достаточно дурацкое и утомительное. На кой черт, спрашивается, таскаться днем под палящим солнцем вдоль забора, когда обстановку вполне можно было бы контролировать и с крыш? Но жаловаться было некому, да и указание это судя по всему поступило из Москвы, а с Центром не поспоришь!

Буквально на следующий день к нашему командиру заявила разгневанная послица. Оказывается, по ее словам, «солдаты», бесконтрольно шляясь по территории посольства, пугают своим «диким видом» и оружием дипломатов и членов их семей. А по ночам громко топают «сапогами» и не дают никому уснуть.

Командир, смутившись под напором истеричной и вздорной бабы, попытался было объяснить с ней, но потом махнул рукой и сказал, что примет меры. И меры были приняты. Нам было приказано ходить на патрулирование только ночью и. обутыми в спортивные тапочки!

Хорошо хоть, что не босиком!

А в это время в Афганистане происходили бурные политические события. Как это обычно бывает, пришедшие к власти «слуги народа» выясняли, кто из них главнее.

«Халькисты» во главе с Нур Мухаммедом Тараки и Хафи-зуллой Амином начали теснить «парчамистов» со всех государственных постов, из армии, из спецслужб. К тому времени, когда мы попали в Афганистан, это им вполне удалось. «Парчамисты» уже считались «врагами народа» (знакомое словосочетание, где-то мы его уже слышали!), а их лидер Ба-брак Кармаль был сослан из страны послом в Чехословакию. Вот это по-нашему, «по-бразильски»!

Волею случая ставший у кормила власти Тараки – мужик, в общем-то, неплохой, только очень непрактичный, болтли-

вый, мечтательный и выпить не дурак (говорили, что печенка у него от выпивки уже почти не работала), особо не утруждался поисками наиболее приемлемых для местных условий путей построения нового общества «без эксплуатации человека человеком».

А в это время «верный ученик и соратник» Амин за спиной «великого отца народа» потихоньку набирал силу, подбирал преданных людей, подчинял себе силовые структуры, уничтожал сомневающихся, мешающих и прочих «лишних людишек». Короче говоря, рвался к власти. Шел старый, как сам мир, процесс: «революция пожирала своих детей».

Глава 5

Из Центра пришла шифровка о том, что наш отряд должен обеспечить безопасность вылетающего в Кабул из Москвы одного из наших видных политических деятелей.

По нашему разумению, он ехал сюда, чтобы разобраться все-таки, кто же лучше: Тараки или Амин, на кого делать ставку, с кем идти дальше. Уже тогда вопрос с Амином стоял достаточно остро. Умный, быстрый в решениях, фантастически работоспособный, жестокий и вероломный, Амин явно превосходил по своим деловым качествам своего «учителя» Тараки. Он мог быть хорошим другом для нас (если бы мы вели себя по-умному), но мог быть и большим врагом. Амин нутром чувствовал слабых, не способных защититься,

и запросто подавлял их. Либо морально, либо физически... Так что надо было решать, с кем нам дружить дальше.

Встреча и беседа нашего видного политического деятеля с Амином должна была состояться в резиденции нашего посла. Мы обеспечивали безопасность этой встречи: враг не дремлет, вооруженная оппозиция набирает силы, возможны попытки нападения, совершения террористического акта и прочее.

Мне довелось попасть в группу ближнего кольца охраны. Мы, двенадцать бойцов, группами по четыре человека с разбивкой на парные патрули, должны были охранять и оборонять непосредственно резиденцию посла. Патрулировали в саду, который с одной стороны примыкал вплотную к резиденции, а с другой стороны – к внешнему забору. Наша задача: не допустить проникновения посторонних или нападения со стороны забора. В случае чего – огонь на поражение.

Хорош был сад у посла! Посторонние лица туда не допускались. А чего только там не было! Множество плодовых деревьев и кустов, грядки с клубникой, петрушкой, луком, свеклой, картошкой, морковкой. Розы и тюльпаны, иные цветы и растения. Все там было.

Надо сказать, что с едой у нас в то время было тяжело. Питались мы тем, что привезли с собой, то есть – сухпайками. Да и то не вволю. Экономили: неизвестно, сколько еще здесь пробудем и где придется дислоцироваться. Так что фактически получалось, что один сухпак делили на двоих, а то и на

троих бойцов. Овощей и фруктов, естественно, не было: их ведь надо было покупать на месте, а денег для этого не выделяли. А занятия по физподготовке, которые так способствуют повышению аппетита, активно продолжались: два-три раза в день! Да и охранная служба отбирала много сил. Короче говоря, все мы постоянно испытывали чувство голода.

И вот мы оказались в саду, где с деревьев свешивались уже вполне зрелые, налитые соком яблоки, аппетитные груши, на кустах виднелись богатые витаминами ягоды, на грядках уже созрела клубника, а спелая морковка, такая полезная для поддержания остроты зрения, аж вылезала из земли сама. В голове бродили мысли о том, как добрый дедушка посол дает указание своим приближенным, и те, чтобы поднять нашу боеспособность, выносят для нас подносы с фруктами, а может быть (чем черт не шутит!), и с шашлыком, запах которого явственно ощущался нашим обостренным обонянием и вызывал, как у собаки Павлова, обильное слюновыделение.

Но не тут-то было.

Вместо хлебосольных посланцев с явствами на ступеньках резиденции показалась послица – «мама». Это была неряшливо одетая, толстоватая, с виду неказистая баба со стертым лицом в очках. Мы молча поприветствовали ее, став по стойке смирно. Не обращая на нас никакого внимания, она начала медленно прохаживаться по тропинкам сада, подолгу задерживаясь у плодовых деревьев и кустов, останав-

ливаясь у грядок. При этом она пристально вглядывалась во что-то, шевелила губами, время от времени делала какие-то пометки ручкой на клочке бумаги.

Потом она повернулась, так же медленно возвратилась к ступенькам резиденции и поманила нас к себе пальцем.

– Ребятки, – брезгливо проговорила она. – Ничего здесь не трогайте, – это н а ш садик!

Только тут до меня дошло! Е-мое, да она же прямо перед нами открыто ходила и считала количество яблок на деревьях, запоминала расположение овощей на грядках и все это записывала! В ее глазах мы были не офицерами, не бойцами, которые были готовы пролить кровь и отдать жизнь за ее же безопасность, мы были просто скотиной, которая могла потравить ее посевы!

Краска стыда и обиды ударила в лицо. Да пропади ты пропадом! Да удавись ты на своей яблоне, да подавись ты своей морковкой поганой! Да я с голоду буду подыхать – не приронусь даже пальцем к твоей проклятой собственности!

– Смотрите... я все здесь запомнила! – еще раз озабоченно оглядев поверх наших голов сад, сказала послица и, шаркая по мрамору домашними шлепанцами, гордо удалилась.

А мы, оплеванные и смертельно оскорбленные, понуро разбрелись по своим местам в этом ставшем ненавистным саду, удивляясь человеческой жадности и глупости, которые не имеют границ и предела.

Встреча и беседа нашего видного политического деятеля

с товарищем Амином прошла успешно и без всяких неприятностей. Умный и хлесткий, с математическим складом ума Амин, будучи к тому же восточным человеком, совершенно точно знал, как надо производить хорошее впечатление на человека из Москвы. Знал об этом, видимо, и наш посол.

Ранним утром следующего дня мы, обливаясь потом, перетаскивали в грузовик сильно пополнившийся багаж посланца партии и правительства, с которым он вылетал домой: картонные коробки с аудио- и видеотехникой, ящики с изюмом и орехами, какие-то тяжеленные свертки, похожие на свернутые ковры, и прочее, прочее, прочее... Багаж сопровождали в аэропорт и погрузили на самолет.

Скрылся в пронзительно голубом и бездонном кабульском небе, улетел на север, в Москву, самолет с «охраняемым лицом», а мы остались...

Глава 6

Часть наших ребят во главе с Долматовым переехала жить в другое место: на какую-то виллу, расположенную неподалеку от посольства. Что они там делали – никто не знал, но все им завидовали: все-таки они были не в четырех стенах посольства, а на воле.

Однажды нам объявили, что будут выдавать зарплату в местной валюте! Все страшно удивились и обрадовались. Сказать по правде, мы вовсе не ожидали, что нам будут что-

то здесь платить. Дома, в Союзе, нам шла наша обычная зарплата. Уезжая в Афганистан, мы написали соответствующие поручения в финотдел, с тем чтобы большую часть денег пересылали нашим семьям, соответствующие суммы перечисляли на партвзносы, немного оставили на счетах: чтобы было потом на чем домой добраться. И вдруг такие дела! Кто бы мог подумать!

И мы повалили в посольский магазин, где, оголодавшие, смели подчистую с полок все съестные припасы. Даже то, что зажравшиеся посольские вообще не брали. Реакция последовала мгновенная: по указанию послицы вход в посольский магазин «солдатам» был строго воспрещен!

Но к тому времени мы уже начали выезжать в город. Первыми «ласточками» стали наши отцы-командиры и «офицеры штаба», которые повадились ездить в город на «рекогносцировку» – дело, вообще-то, нужное и, как потом выяснится, крайне необходимое. Ведь первая заповедь разведчика за границей – детальное знание и постоянное изучение города, местности, региона ответственности. Необходимо совершенно точно знать расположение улиц и ситуацию на них в любое время суток, надо знать, где дислоцируются государственные объекты, объекты министерства обороны и спецслужб, а кроме того... да мало ли что еще! Ведь нам здесь, возможно, предстояло осуществлять агентурно-оперативные, оперативно-войсковые, специальные операции, а может быть, и вести открытые боевые действия.

Из поездок на «рекогносцировку» народ возвращался притворно озабоченный сложностью «оперативной обстановки» и. с покупками! По тем временам это были диковинные для нормальных советских людей вещи: джинсы, батники, японские часы и магнитофоны, дубленки.

Между тем с очередным рейсом к нам из Союза прилетело небольшое пополнение. Среди прибывших было несколько ребят, которых я помнил еще по учебе в ВКШ. Они раньше меня заканчивали КУОС, и сейчас их, как резервистов, выдернули для пополнения нашего Отряда. А кроме того, нам прислали несколько переводчиков, знающих местный язык дари, а также фарси.

Однажды мы в очередной раз выехали на рекогносцировку на двух машинах. Дело было 5 августа.

Вот уже неделю местные держали пост – был мусульманский праздник Рамазан (некоторые называют – Рамадан, Ураза, но это сути не меняет). Весь этот праздник – он длится около месяца – мусульманам нельзя от восхода до захода солнца есть, пить (не только спиртное, но и воду!), сморкаться, плевать, вступать друг с другом в интимные отношения и так далее.

Нас предупредили, что в городе набирают силу антисоветские настроения, да и вообще на всех иностранцев, которые не держат пост, местные смотрели с раздражением. Их можно понять: конечно же, обидно! Поэтому нам было ре-

комендовано в городе, на виду у афганцев, не есть, не пить, не курить. Ну что же, сказано – сделано. Еда, питье и курево, конечно же, могут подождать. А что касается сексуальной стороны вопроса, то мы и так воздерживались за неимением объекта приложения усилий, а также потому, что советскому человеку не к лицу изменять жене, тем более в тревожных условиях заграницы. «Изменяя жене, ты изменяешь Родине!» – любил повторять один из начальников курса в Высшей Школе полковник Панкин.

Так что мы вовсю воздерживались, чтобы не задевать религиозные чувства местных граждан.

В этот раз мы прорабатывали маршруты возможной эвакуации сотрудников посольства и торгпредства в аэропорт.

У всех еще свежо было в памяти то, что произошло весной этого года в Герате, когда местные маоисты взбунтовали жителей города и афганские воинские части. Была крупная пальба, солдаты перебили своих командиров и политработников. Тогда же погибло несколько наших специалистов и советников. Говорят, что их растерзали буквально по кусочкам (о, добрый, веселый и трудолюбивый афганский народ!). Об этих событиях мне как-то рассказывал один военный советник, который был в Герате в то время. По его словам, от неминуемой и жуткой смерти многих наших специалистов тогда спасли какие-то специально обученные советские офицеры, которые перебили кучу повстанцев и на бронетехнике вывезли всех в гератский аэропорт. А там уж они держали

оборону до подхода верных правительству частей. Тогда я не знал, что речь идет об одном из первых боевых крещений за границей ребят из спецгруппы «А», да и вообще не знал о существовании такой группы.

Так что рекогносцировку, с учетом всех этих событий, мы проводили всерьез и очень тщательно.

Закончив запланированный на сегодня участок трассы, мы, перед возвращением домой, решили заехать на так называемый Грязный рынок, тем более что это было почти по пути.

Грязный рынок – это было особое, знаменитое и даже легендарное среди членов совколонии место в Кабуле. Представьте себе несколько кварталов, заполненных торговыми точками: три этажа вверх и три этажа (а может быть, и больше) вниз!

Чего же только там не было! Если к богатому и непривычному для нас ассортименту товаров еще добавить гудящую, постоянно находящуюся в движении толпу народа, многочисленных калек и одетых в причудливые лохмотья нищих, продавцов газет и лотерейных билетов, вопящих, как грешники в аду, грязных, пребывающих в броуновском движении попрошаек-мальчишек, мрачных, разбойного вида хазарейцев с черными лицами, толкающих свои тележки, груженные дровами и еще каким-то хламом (говорят, что по ночам хазарейцы действительно разбойничали, убивая свои жертвы страшными, огромных размеров ножами), если еще

добавить кричащих ишаков, блеющих баранов, из которых тут же на месте жарили шашлык, крики зазывал, рекламирующих свой товар и заманивающих покупателей в дуكان, вопли пойманных за руку и избиваемых лавочниками воров, запах каких-то тошнотворных индийских благовоний (в дуканах, наряду с местными, торговали и сикхи – выходцы из Индии), смешанный с устойчивым ароматом гашиша и воюю испражнений и помоев, – вот тогда можно будет иметь некоторое представление о Грязном рынке.

Таинственным местом был этот Грязный рынок. Здесь можно было купить все что угодно: спиртное, оружие, валюту, наркотики. Здесь бесследно пропадали люди, и найти их потом было невозможно – ни живых, ни мертвых. Здесь были и бани, и парикмахерские, и притоны, и «святые места», помеченные грудой камней и шестами с развевающимися на них грязными тряпками и какими-то блестящими бирюльками (это означало, что здесь умер какой-то святой человек или дервиш).

Среди этого живописного восточного бедлама мы старались держаться вместе. На нас, казалось бы, никто не обращал внимания, однако стоило обернуться – все смотрели вслед: кто с интересом, кто с любопытством, кто с недоброй усмешкой, а кто и с открытой ненавистью. Вообще-то, это не очень приятно, когда за тобой так наблюдают и когда все вокруг непонятное, чужое, враждебное.

Мы были одеты в гражданское: брюки, рубашки навыпуск.

За поясом под ремнем – пистолет Макарова (восемь патронов в обойме, девятый – в стволе), в кармане запасная обойма и граната, в сумке или портфеле – еще две-три гранаты.

В случае чего мы могли бы дать неприятелю на месте сильный отпор. Наверное, афганцы этот наш настрой чувствовали, поэтому нас никто не задевал, а наиболее рьяные противники пребывания советских граждан в Афганистане вообще и на Грязном рынке в частности просто отводили глаза или отворачивались, хотя некоторые скрипели зубами и что-то недовольно бормотали себе под нос.

Тем не менее мы чувствовали себя в этом гадюшнике достаточно уверенно и независимо.

Мы не были обременены весьма ныне распространенным среди русских людей национальным или религиозным комплексом неполноценности. И мы не были верующими православными христианами в полном смысле этого слова. Но, оказавшись в чуждой среде, мы ими себя вдруг почувствовали. Здесь, наверное, в действие вступали уже некие генные категории русского человека. Да. Мы гордились тем, что мы – русские. Мы инстинктивно осознавали, что на основе чуждой для нас веры и обрядности сформирован иной тип человека, совершенно отличный от нашего. И что, хоть живем мы с этими людьми зачастую рядом, они совершенно иные, внутренне совсем не похожие на нас. У них другой образ мышления. Они исповедуют иные ценности, их понятия о морали, нравственности, чести и порядочности, мотивация

их поступков значительно отличаются от наших. Даже сказки, на которых воспитываются здесь дети, иные, совершенно непохожие на наши. Например, самый распространенный сюжет: молодой юноша полюбил девушку, а ее родители были против. Тогда юноша ночью пробрался в дом невесты, зарезал ее родителей, похитил возлюбленную и увез ее в горы. Тогда братья невесты по закону кровной мести зарезали родственников юноши-жениха... А родственники юноши зарезали оставшихся в живых родственников невесты. И так до бесконечности все друг друга режут и убивают. Вот такие сказки.

Конечно, подходить к ним с нашими нравственными мерками было по меньшей мере неразумно, а по большому счету – бессмысленно. Однако мы отлично осознавали, что эти люди имеют полное право жить по своему укладу и правилам. Так же, как и мы – по своим. И все-таки они были для нас чужими, непонятными, а потому – враждебными.

Но мы их не боялись! И они это понимали... Они чувствовали нашу силу, не только чисто физическую, но и моральную. Видимо, от нас исходила осязаемая аура уверенности, силы, решимости. Именно поэтому даже самые ярые отводили глаза и уступали дорогу, хотя среди них наверняка было полно ухарей, которые с удовольствием распластали бы нас ножами и, подвесив, как баранов, содрали бы с нас – иноверцев, которые их не боятся, – шкуру.

Солнце стояло в зените. Я взглянул на часы – было де-

сять минут первого. Именно в этот момент внезапно где-то далеко раздался взрыв, потом еще один, затем послышались отдаленные звуки автоматной-пулеметной перестрелки. Басовито и раздельно пророкотал КПВТ бэтээра. Базарный люд на секунду застыл, вслушиваясь, а затем все пришло в движение: народ стал разбегаться, прятаться. Началась паника. Рядом с нами вдруг упал на землю и, с пеной у рта, забился в судорогах юродивый. Завизжали женщины.

Мы бросились к машине. Что случилось? Почему стрельба? Нападение духов или... Переворот?

Глава 7

Да, это была попытка переворота.

Как потом выяснилось, этот нарыв уже давно зрел в афганской бригаде специального назначения, расположенной на окраине Кабула в крепости Бала-Хисара. Бригада спецназа, по сравнению с другими подразделениями местных вооруженных сил, была неплохо подготовлена и достаточно хорошо вооружена. Толковые офицеры, физически крепкие солдаты, с голоду никто не помирал. В чем же дело?

А дело было в том, что новый режим слишком стремился к сплошной и скорейшей победе социализма, а также к условно-досрочному (в рекордно короткие сроки!) привитию местным людям коммунистической идеологии. Дело дошло до преследования мулл. Кое-где их даже стали расстре-

ливать. Начали прикрываться мечети. Народ лишали религии, а значит – идеологии, той, которая веками владела не только умами этих людей, но и определяла порядок их жизни, взаимоотношений в семье и друг с другом.

Вместо мулл появились комиссары-политработники, которые заставляли людей заучивать совсем другие идеи и ценности.

Противники режима Тараки умело использовали неуклюжие попытки властей по перевоспитанию населения и вели активную контрпропаганду, зерна которой падали в весьма благодатную почву и давали хорошие всходы. Армейская среда не была исключением.

А вдобавок ко всему – офицеры! Они почти все были из знатных и богатых родов и кланов землевладельцев. А землю-то национализировали! На армейское жалование особо не проживешь, тем более, в стране свирепствовала инфляция, цены росли с каждым днем. Крути не крути, а офицерство здорово обидели. А из Союза уже возвращались отучившиеся на краткосрочных офицерских курсах молодые партийцы: напористые, активные, жадные до власти и должностей. Они вытесняли старое офицерство. Да и в среде новых офицеров были серьезные разногласия: одни, кто победнее, симпатизировали «Хальку», другие были за «Парчам».

Как обычно, мятеж начался со стихийного митинга, после которого перебили комиссаров и активистов. Потом кто-то кинул клич идти на Кабул, штурмовать Дворец Арк и свер-

гать Тараки. Вскрыли склады, вооружились, заправили горючим и боеприпасами бронетехнику. Некоторые, прихватив оружие и сколотившись в группы, отправились в город сводить личные счеты с обидчиками, порезвиться в дуканах. Вблизи Бала-Хисара начались грабежи, перестрелки. Однако кому-то из партактива удалось спастись, ускользнув от расправы. Власти были предупреждены. Кабул спешно готовился к обороне.

От Грязного рынка до посольства мы долетели по вмиг опустевшим улицам за пять минут.

Здесь уже готовились к обороне. Были данные о том, что часть мятежников якобы была намерена штурмовать наше посольство, так как, по их мнению, именно «советские были во всем виноваты». Резидентура получила сведения о том, что к мятежникам могут присоединиться затаившиеся в городе вооруженные «духи» (в те времена их звали – «ихван», что на дари вроде бы означает «враг»).

План обороны посольства нами был разработан заранее, каждый из нашего отряда знал свое место, свой сектор обстрела и свой маневр на любой случай. Заранее оборудованные и обжитые нами огневые ячейки на крышах посольских зданий и в некоторых других местах полностью перекрывали все возможные направления появления противника.

Мы забежали в нашу казарму, быстро переоделись в форму, прихватили оружие, боезапас, бинокли и – после корот-

кого и энергичного инструктора – по своим местам.

Крепость Бала-Хисар была построена в незапамятные времена на другом, противоположном от нас северо-западном конце города. Во время рекогносцировок мы объезжали этот объект: крепость стояла на господствующей над городом высоте, старые, но достаточно еще крепкие стены с бойницами, винтовая дорога вверх. Кругом посты, однако с северной стороны, там, где старое кладбище, постов не было, да и стены пониже, местами с проломами.

С нашего балкона я мог разглядеть в бинокль смутно виднеющиеся светло-коричневые стены Бала-Хисара. Там что-то горело, и в безветренном небе медленно поднимались и нехотя таяли столбы дыма. Слышалась отдаленная стрельба.

Нам в поддержку было выделено афганское пехотное подразделение, усиленное тремя танками. Афганцы должны были держать оборону по внешнему периметру, а мы – по внутреннему.

Когда афганцы прибыли, мы с удивлением обнаружили, что танки у них наши – «тридцатьчетверки» (броня крепка, и танки наши быстры!). Вот это да! Это ж исторические экспонаты, да еще на ходу! Чудеса, да и только.

Афганцы стали окапываться. Взглянув вниз, я увидел, что несколько пехотинцев роют себе окопы на противоположной от нас обочине дороги, идущей вдоль забора посольства. Огневые ячейки они сооружали себе прямо перед глухим и довольно высоким каменным забором виллы, стоящей по дру-

гую сторону дороги. От кого же они будут защищаться? Ведь в десятке метров перед ними стена! Тут рядом с пехотинцами остановился танк и развернул башенное орудие. тоже в направлении забора! Неужто совсем ничего не соображают? Ну и вояки!

По радиии я соединился с командиром и сообщил о странных маневрах наших боевых друзей.

– Ладно, разберемся, – отвечал Григорий Иванович. – Как там у вас дела? Что видно?

– Да вроде бы пока все тихо. В крепости что-то горит, но не сильно. С той стороны слышна стрельба, но никаких передвижений не видно.

– Смотрите повнимательней. Конец связи.

Через несколько минут к незадачливым пехотинцам подкатил «уазик», из которого выскочило несколько наших бойцов. Объяснялись в основном жестами и матерными терминами, но пехотинцы все прекрасно поняли. Они лениво собрали свои манатки и, подгоняемые нашими ребятами, бренча плохо закрепленной амуницией, неуклюже перебежали чуть левее, на открытое пространство, где снова стали окапываться.

А танк остался стоять там, где стоял. Оказывается, его двигатель заглох и больше заводиться не хотел. Из люков вылезли медлительные, в замызганных черных комбинезонах и шлемофонах афганские танкисты и тут же присели на корточки в тени у гусениц танка. Ремонтировать своего «боево-

го коня» они, похоже, не собирались. Сломался – и хрен с ним!

Вот тут-то в дело вмешался наш Андрей. Небольшого роста, цепкий, жилистый, с кривоватыми, как у кавалериста, ногами, он прекрасно разбирался в технике и мог заставить двигаться любой механический агрегат. Он вылез из-за руля УАЗа и подошел к танкистам. О чем-то коротко спросил их. Те только разводили руками и скалили белые зубы.

Андрей легко запрыгнул на броню и исчез в люке. Затем вылез наружу уже с инструментальным ящиком, открыл заслонки моторного отсека, начал там копаться.

– Андрей! Ну что там? – крикнул я с балкона. Он поднял голову, махнул рукой.

– Да ну их на хрен! Руки из задницы растут, довели машину до ручки. Сейчас все сделаем. – и тут же заорал на танкистов: – Ну чего стали, дармоеды! Ну-ка, ты, дай ключ на двенадцать... и вот здесь поддержи... да посильней, возьми вон плоскогубцы!

Удивительно, но афганец понял, что от него хотят, подал нужный ключ, взялся за плоскогубцы.

– Так... держи вот здесь, а я буду затягивать... – командовал Андрей, и работа спорилась. Минут десять Андрюха зычным голосом руководил ремонтом, перемежая технические термины заковыристым матом. Потом он сел на место механика-водителя, погонял стартер, и двигатель, пахнув едким синим выхлопом дыма, взревел. Андрей высунулся из

люка и показал афганцам рукой: вот, мол, как надо делать! Потом дал газку, лихо развернулся на одной гусенице, промчался с десятков метров и резко тормознул.

– Во машина! – крикнул он мне, показывая большой палец. – При хорошем уходе еще сто лет бегать будет!

И, повернувшись к подходившим танкистам, незлобливо добавил:

– У-у, дармоеды!

Те улыбались, кивали головой, жали Андрею руку.

– Да ладно, чего уж там... – размягченно говорил он. – Толку от вас как от козла молока.

Танкисты были согласны, что толку от них мало. Андрей им явно нравился своей ухватистой манерой, веселым дружелюбием, незлобливостью и знанием техники, в которой афганцы явно ничего не смыслили.

Вообще-то, и у танкистов, и у лениво наблюдавших за ремонтом пехотинцев был вид людей, которым глубоко на все наплевать.

Это обстоятельство внезапно вызвало у меня какое-то непонятное, тревожное предчувствие. Если придется воевать по-серьезному, то толку от этих ребят действительно не будет никакого, подумал я тогда, и все придется делать самим. Как потом выяснилось, я как в воду глядел: так оно и было.

В тот день нападения на посольство мы так и не дождались. Помитинговав, мятежная бригада уселась на грузови-

ки и на броню (которую смогли завести) и спустилась в город, чтобы «воевать» дворец Арк и свергать Тараки. На узких улочках в километре от крепости всю их бронетехнику пожгли НУРСами поднявшиеся с аэродрома боевые вертолеты (мне так думается, что экипажи в вертолетах сидели наши.).

Некоторые мятежники разбежались, но большая часть возвратилась в крепость и попыталась занять круговую оборону. Однако, деморализованные потерями и лишённые единого командования, долго продержаться они не смогли. Уже к вечеру крепость Бала-Хисар была взята преданными Тараки элитными, хорошо вооружёнными подразделениями царандоя (народной милиции).

А все остальное было делом техники. Царандоевцы подогнали бульдозеры, вырыли несколько рвов. Оставшихся в живых после штурма мятежников, разоружённых и ободранных, поставили вдоль насыпи и покрошили из пулеметов. Бульдозеры заровняли землю – и следа не осталось. Просто и сердито.

Глава 8

К утру все было кончено, новых катаклизмов пока не намечалось. Наше афганское подкрепление снялось и уехало к себе в казармы.

Снялись с усиленного варианта службы и мы.

После завтрака (треть консервной банки с перловкой и микроскопическими вкраплениями мяса, две сухие галеты из сухпайка и кружка чая с одним кусочком сахара: не хлебом единым жив человек!) меня вызвал к себе командир.

Григорий Иванович был чем-то озабочен и немногословен:

– Сейчас подъедет машина, отвезет тебя на виллу. Теперь будешь там. Поступаешь в распоряжение Долматова. Он скажет, что надо делать.

Вилла оказалась просторным двухэтажным каменным домом с большим подвалом. Веранда с бетонным козырьком, зеленая лужайка. Все обнесено двухметровым забором с колючей проволокой и вмазанными по верхней кромке в бетон острыми осколками битого стекла. Вдоль забора колючий кустарник и молодые плодовые деревья.

Я поднялся на второй этаж. В огромной комнате, которая, видимо, была гостиной, мебели никакой не было, кроме раскладушек. Под каждой – рюкзак, сбоку на полу свернутый кольцом ремень с подсумками, гранатами, ножом и пистолетом. Поверх – автомат. Кроме меня в этой комнате жили еще трое наших ребят. За стенкой, в соседней комнате – еще пятеро. В отдельной комнате поменьше расположились двое приехавших вместе с нами преподавателей с КУОСа – Коля и Виктор.

На КУОСе Коля был куратором нашей учебной группы. Голова у него была набита самыми разнообразными сведе-

ниями: тактико-технические данные американских ракет и другой боевой техники стран НАТО, рецепты изготовления взрывчатых веществ и зажигательных смесей, боевые уставы пехоты, номенклатура разметки топографических карт и прочее, всего не перечесть. Коля обладал прекрасной памятью, но, увы, был крайне несобран и болтлив. Он мог совершенно неожиданно для всех (а может быть, и для себя!) в компании брякнуть такое, что вовсе не следовало бы говорить. Он давал направо и налево обещания, которые заведомо выполнить не мог, хотя за язык его никто не тянул. И наши ребята, и другие преподаватели КУОСа откровенно подсмеивались над ним. Хотя мне его иногда было жалко. Увидев меня в коридоре, Коля радостно заулыбался:

– Кого я вижу! Привет! Ну что, переселился? Ну вот, будешь теперь в нашей группе. Только никому ничего не болтай! – Коля сделал серьезное лицо и понизил голос. – Мы будем ездить за город тренировать афганских контрразведчиков. Понял? Будешь у нас инструктором по специальной физической подготовке, а заодно охранником группы, так сказать, офицером безопасности. Тебя одного из всего отряда Долматов выбрал. Учти, я тоже поддержал твою кандидатуру! Не подведи!

Все ясно. У Коли, как всегда, ничего не держится. Фонтан! Спускаясь вниз по мраморной лестнице (кругом мрамор, действительно – вилла!) к Долматову, я уже в общих чертах представлял, чем мне придется здесь заниматься.

Александра Ивановича Долматова мы все любили и уважали. Крепко сбитый, среднего роста, с короткой стрижкой, он разговаривал хрипловатым, отрывистым голосом. Я его помнил еще по учебе в Вышке – так мы называли Высшую Краснознаменную школу КГБ имени Ф. Э. Дзержинского (давно, друзья веселые, простились мы со Школою!). Там он преподавал у нас физическую подготовку. Бывало, выведя нас на беговую дорожку стадиона «Динамо», он, надрывая голос, угрожающе-бодрым тоном орал:

– Внимание, товарищи слушатели! Цель нашего занятия – укрепление пошатнувшегося здоровья!.. Четыре круга вокруг стадиона! Шаг вправо, шаг влево считаются попыткой к бегству! Шаг в сторону – провокация! Карается дополнительным кругом!.. Бего-о-м... Марш!

Долматов отлично знал психологию, физиологию, был прекрасным педагогом и преподавателем. Умел все объяснить и, что немаловажно, сам все показать. По натуре Александр Иванович был человеком очень честным и порядочным. Однако, при случае, рассказывая какую-нибудь историю, любил чуть приукрасить ее, с тем чтобы конец получился поучительным (в смысле необходимости в повседневной жизни хорошей физической подготовки). Свои истории он обычно начинал так:

– Гуляем мы как-то с женой по Центральному парку культуры и отдыха. Я в костюмчике, белая рубашка, галстук. Вдруг.

А дальше начиналась вариация с появлением на горизонте неких хулиганов, которые приставали к окружающим или (о, неразумные!) к самому Александру Ивановичу. Концовка всегда была неизменная: тем или иным приемом, как правило тем, который мы изучали в настоящий момент занятий, Александр Иванович расправлялся с группой нарушителей порядка. А упоминание о костюме и галстукке обычно делалось для того, чтобы лишний раз показать, что изучаемые нами приемы рукопашного боя действенны в любой ситуации и вовсе не подразумевают необходимости валяться по земле, пачкать или рвать костюм.

Как правило, поучительные истории Александр Иванович обычно заканчивал так:

– ...А я поправил галстучек, взял жену под ручку и пошел пить пиво.

Ко всем слушателям Долматов относился уважительно и бережно. Уже потом он рассказывал мне, что воспитать хорошего бойца-рукопашника очень непросто. И что главное при этом – уважать ученика, всячески его оберегать, с тем чтобы ненароком не сбить с него боевой гонор, психологически поощрять и лелеять, а физические нагрузки увеличивать постепенно, в зависимости от внутреннего состояния и моральных ресурсов бойца.

Следует сказать, что я был у Долматова неплохим учеником. На занятиях он, объясняя и показывая очередной прием, всегда подзывал меня. Дело в том, что силой меня Бог

не обидел, а кроме того – неплохая реакция, но что самое главное: в спарринге я никогда не терял чувство меры, всегда контролировал свои эмоции и никогда не травмировал партнера. Настоящих противников травмировал, а партнеров – нет. Все это Александр Иванович выражал так: «силен, свиреп, но умен», что очень льстило моему самолюбию.

Хорошо, что удалось уехать из посольства. А то эти «шесть через двенадцать» так уже осточертели, что хоть на стенку лезь! А здесь предстоят какие-то выезды за город, общение с новыми людьми, разнообразие. Красота, да и только! Да и засиделся я в замкнутом и затхлом мирке посольства.

На волю, в пампасы.

Глава 9

На волю, в пампасы мы выехали уже через пару дней.

Вечером к нам на виллу пригнали «жигуленок» шестой модели, песочного цвета с местными номерами. На нем мы утром после завтрака и отправились в путь.

Мы – это Долматов – старший группы, Коля и Виктор – преподаватели теории (они учили нас еще в Балашихе), переводчик Слава из Душанбе – бородатый резервист, владеющий местным языком. В миру он занимался какими-то историческими изысканиями и переводами в системе Таджикской академии наук. И, наконец, ваш покорный слуга – в ка-

честве инструктора по специальной физической подготовке, охранника и офицера безопасности группы. Среди экипажа нашей машины я был единственный действующий оперработник-контрразведчик.

Ехать нам предстояло через весь Кабул, затем по автотрассе на северо-восток в курортный пригород столицы Паг-ман. До победы Великой Апрельской революции там отдыхали на собственных виллах и в прочих загородных резиденциях члены местного правительства и богатеи (что, впрочем, было одно и то же). Естественно, после революции все виллы были конфискованы. На одной из этих вилл, переданной новым режимом местным спецслужбам, нам предстояло в течение месяца теоретически и практически подготовить для активной работы группу афганских молодых контрразведчиков. Нам сказали, что это – партийный набор: ребят взяли на службу прямо из Кабульского университета и Политехнического института. Раньше они были активистами НДПА, работали в подполье, а теперь вот служили в контрразведке.

Проезжая по набережной реки Кабул (наши прозвали ее – Кабулка, так как большую часть года эта река являла собой неширокий и мутный, пахнущий нечистотами ручеек), мы наблюдали прелюбопытную картину.

Идущая перед нами прекрасная, сверкающая перламутром «тойота» новейшей модели наехала на нищего, который перебежал дорогу. «Тойота» остановилась (мы тоже), и из-за руля неспешно вышел красиво и чисто одетый мордатый

афганец. К нему, грохоча подкованными высокими военными ботинками, уже мчался постовой полицейский с жезлом регулировщика в руках и в белой портупее.

– Ну, сейчас он даст ему прикурить! – злорадно сказал Коля. – Видишь знак: здесь переход, водитель должен был остановиться и пропустить пешехода!

Однако, к нашему удивлению, регулировщик, подбежав к «тойоте», стал бить ногами пытающегося отползти в сторону нищего. Наконец потерпевший сумел встать на четвереньки. Под крики моментально собравшейся толпы зевак и улюлюканье грязных, беснующихся мальчишек, подволакивая ногу, сопровождаемый пинками и бранью полицейского, он выполз на тротуар и проворно юркнул куда-то в переулочек.

Закончив на этом разбор дорожно-транспортного происшествия, полицейский подскочил к владельцу «тойоты», который озабоченно осматривал слегка треснувший пластиковый бампер и фару. Судя по жестикуляции, полицейский извинялся за недосмотр и выражал сочувствие по поводу причиненного новенькой автомашине ущерба.

Не поворачивая головы и не глядя на полицейского, владелец «тойоты» вытащил бумажник, достал несколько купюр и небрежно опустил их «в пространство» – в сторону полицейского. Представитель транспортной полиции сделал неувловимое движение, и деньги исчезли в кармане его форменного серого френча. Инцидент был исчерпан. «Тойота» укатила. Полицейский мгновенно обрел облик озабоченного

службой неприступного стража порядка и строго огляделся. Собравшаяся толпа стала рассасываться: больше ничего интересного не предвиделось. Одернув френч, регулировщик прошелся туда-сюда, а затем, вдруг потеряв всякий интерес к службе, помахивая жезлом, не спеша подался в сторону ду-канов, где прямо на улице в мангалах дымились шашлыки.

– Во дела! – покрутил головой Долматов.

– Обычное дело, – отозвался переводчик Слава и пояснил, – у нас в Душанбе примерно то же самое. Просто за рулем был богатый и уважаемый человек. Таких на Востоке не обижают зазря...

Дорога была гладкая и пустая. Изредка навстречу нам попадались перекошенные набок, ободранные и забитые до отказа пригородные автобусы, зловонно чадающие убогие грузовики, пикапы.

Потом дорога постепенно стала подниматься, горы приблизились, мы въехали на перевал. Справа в долине синело большое озеро. На его берегу виднелись какие-то машины и механизмы. Нам уже рассказывали, что примерно год назад афганцы зачем-то попросили у нас понтонное оборудование. Им был передан целый понтонный батальон. Именно эти машины стояли и ржавели на берегу озера Карга. Зачем афганцам понадобились здесь понтоны? Непонятно.

Где-то в этих местах около полутора месяцев назад бандиты прихватили французских туристов. Машину потом нашли, а людей и вещи – как корова языком слизнула. Никаких

следов. Что с ними стало, какие мучения бедняги претерпели перед смертью – одному Богу известно.

На самом верху перевала стоял пост: деревянная будка, шлагбаум. На звук приближающейся машины из будки неторопливо вышел солдат-афганец с карабином за спиной и стал нам махать рукой, предлагая остановиться. Подойдя к притормозившему в туче пыли (мы съехали на обочину) «жигуленку», солдат вдруг стащил с плеча карабин, наставил его на нас и с истошным криком: «Др-р-э-э-э-ш!» («Стой!») сделал выпад, как в штыковом бою, ткнув стволом чуть ли не в щеку сидевшего за рулем Коли.

Поведение солдата могло бы выглядеть для нас необычным и даже агрессивным. А свое дурацкое «Дрэш!» солдат вообще не успел бы произнести. Готовый к бою автомат лежал у меня на коленях, прикрытый курткой, и я мог бы моментально срезать этого клоуна, как только он потянулся за карабином. Но дело в том, что повадки местных военнослужащих нам были уже знакомы, поэтому мы спокойно сидели на своих местах и приветливо улыбались. На всякий случай я все же направил на солдата невидимый для него ствол своего автомата, а палец держал на спусковом крючке: вдруг он переодетый «ихван».

Однако солдат посчитал свою миссию по охране перевала и проверке всех проезжающих мимо машин на данный момент полностью выполненной, заулыбался, закинул карабин за спину и тут же жестами попросил у нас сигарету. Из буд-

ки выскочил в грязной нательной рубахе еще один солдат, который тоже получил сигарету.

Мы уже спускались с перевала. Я обратил внимание на то, что по склонам гор справа и слева, параллельно друг другу, как ступеньки, тянулись обработанные узкие участки земли с какими-то насаждениями. Кое-где виднелись сгорбленные фигурки крестьян, одетых в просторные светлые рубахи и такие же штаны. Потом я узнал, что эти участки земли называются террасы. Из-за недостатка пригодных к земледелию площадей местные жители долбили эти террасы в скалах, потом таскали туда землю в мешках, удобрения и прочее. Адский труд!

Наконец за очередным поворотом перед нами открылась привольно раскинувшаяся в чаше гор прекрасная зеленая долина. Из-за крон огромных деревьев выглядывали крытые красной черепицей и оцинкованным железом крыши каких-то дворцов.

– Это и есть дачи? – спросил я у Коли. – Ничего себе!

– О-о! Ты еще внутри посмотришь – ахнешь! – довольно смеясь, ответил Коля.

Петляя по узкой дороге между высокими глухими заборами, мы подъехали наконец к нужной нам даче. Там нас уже ждали.

Ворота открылись, и мы заехали во двор. Обливаясь потом, вылезли из раскаленной на солнце, пышущей жаром машины и осмотрелись.

Если где-то и был рай на земле, так это – здесь.

Перед нами стоял двухэтажный белокаменный дворец с колоннами, башенками и лепниной. Вокруг здания росли огромные деревья, раскидистые кроны которых давали спасительную тень и прохладу. В ветвях пели какие-то птички. Перед фасадом дома – просторная асфальтированная площадка. От площадки вниз по склону – дворец стоял на небольшом холме – вела широкая каменная лестница с перилами. По склону шли заросли немного запущенного плодового и декоративного кустарника. От цветников легкий свежий ветерок доносил благоухание роз. А внизу виднелась окаймленная вековыми деревьями Огромная круглая лужайка, засаженная газонной травой. Ее пересекал неширокий чистый ручей. Вся эта благодать была окружена высоким каменным забором с непременною колючей проволокой и битым стеклом по гребню.

На ступенях дворца нас встречал сам начальник объекта – полковник Хабиби. Лет сорока пяти-пятидесяти, с седыми висками и умными живыми глазами на смуглом худощавом лице, среднего роста, с хорошей военной выправкой, он выглядел внушительно и производил весьма приятное впечатление.

Приветливо улыбаясь, полковник поздоровался с нами за руку. Представились по именам. Беседа велась через переводчика Славу, который бойко лопотал на дари. Полковник представил нам и своего заместителя – худощавого капита-

на лет тридцати пяти. Звали его Ясир. «Рожа хитрая, глазки бегают, в глаза не смотрит. Прохиндей!» – решил я про себя.

Затем подошли еще двое сотрудников объекта: молодые ребята в военной форме без погон. Оказалось, что оба они хорошо говорят по-русски. Один – Абдулла – закончил в Союзе машиностроительный институт. Второй, по имени Ахмад, тоже учился у нас, но с началом событий в Кабуле в прошлом году был отозван партией для работы в контрразведке.

Афганцы были настроены дружелюбно. Обращались с нами очень уважительно, что было весьма приятно. Они услужливо подливали в бокалы холодную газировку, оказывали всяческие знаки внимания.

Рамазан еще не кончился, поэтому пить воду пришлось нам одним. Афганцы постились.

Мы обсудили технические вопросы процесса обучения, время начала и окончания занятий, с учетом того, что курсанты уже работают и проводят самостоятельные операции. Договорились, что заниматься будем пять раз в неделю. Два дня не занимаемся. В пятницу – «джума» – выходной день у афганцев. А в воскресенье – выходной день у нас.

Полковник заявил, что посещаемость занятий будет сто процентной, так как курсанты направлены на учебу приказом самого министра безопасности Асадуллы Сарвари. Человек он строгий, требовательный, любит, чтобы все его приказы исполнялись точно и в срок.

В то, что министр безопасности требователен и строг, я

охотно поверил, так как кое-что о нем слышал. Недавно в одной воинской части в провинции Джелалабад был очередной мятеж, который, кстати, достаточно быстро подавили. Но факт сам по себе был очень неприятный. Сарвари лично прилетел туда для разбирательства.

Уцелевших мятежников в окружении конвоиров построили перед министром. Их было человек тридцать. Сарвари прошел вдоль строя, вглядываясь в лица испуганных и ободренных солдат, что-то вполголоса коротко спрашивал. Следом за министром, чуть поодаль, следовала охрана и местное руководство. Там же был наш партийный советник и переводчик.

Вдруг Сарвари резко повернулся и выхватил из рук ближайшего к нему охранника автомат, кляцнул затвором. Все шарахнулись в сторону.

Широко расставив ноги, Сарвари с бедра, веером, стал поливать из автомата мятежников. Когда кончились патроны, министр отбросил дымящийся автомат в сторону и, ни на кого не глядя, быстро пошел к машине. Вслед за ним поспешила свита. Конвоиры, восприняв действия Сарвари как приказ, добили оставшихся в живых.

Да, министр был строг! Поэтому на занятия уж точно будут приходиться все.

А между тем в разговор влез наш Коля и стал рассказывать о подготовленном им плане теоретических занятий.

От нечего делать я стал рассматривать гостиную.

Напротив на стене висели два огромных фотопортрета Тараки и Амина. Изображения вождей нам уже примелькались, так как были развешаны по всему Кабулу.

Тараки изображался красивым (в восточном понимании этого слова) и мудрым пожилым мужчиной с благородной яркой сединой на висках, черными густыми бровями и толстыми могучими усами. Неизменно вид у него был очень нарядный, внушительный и одновременно добрый. Морщин на лице не присутствовало. На щеках – румянец. Направленный чуть в сторону и вверх взгляд – пронзительный и мечтательный, как бы пронизывающий времена и пространства, видящий то, что недоступно простым смертным. Встречались плакаты, где Тараки был с румяным и упитанным ребенком на руках в обрамлении ярких цветов на фоне голубого неба.

Впоследствии я воочию убедился, что парадные портреты всегда лгут. На самом деле Тараки внешне был малопривлекателен: глубоко посаженные глаза с желтоватыми белками, под глазами набрякшие мешки, рябое лицо (про таких у нас в деревнях говорят: «Черти на морде горох молотили!»). Когда вождь улыбался, то являл на обозрение огромные, кривоватые, широко отставленные друг от друга и желтые от никотина зубы. На голове редковатые, забитые перхотью и пегие от седины, как окрас у миттельшнауцера – «соль с перцем», – волосы.

Амин на портретах выглядел более скромно, но тоже красиво. Умный, понятливый и преданный «отцу народа»

взгляд, приятный и горделивый разворот головы, аккуратная стрижка слегка вьющихся, красиво уложенных волос. На губах – мудрая и ласковая полуулыбка. Определение «мудрый и преданный» так и напрашивалось при виде его портретного изображения. Вместе с тем, присмотревшись, можно было уловить в чертах лица Амина некие признаки хитрости, изворотливости, склонности к быстрому принятию решений и настойчивости в достижении поставленных целей. Таким он и был. Умный, изворотливый, подхалимистый и одновременно беспощадный и мстительный, самовлюбленный и властолюбивый до крайности. Настоящий образчик восточного тирана. Такому поперек дороги не становись – сожрет с потрохами и не пожалеет на это ни времени, ни средств!

Однако таких подробностей я, естественно, тогда еще не знал и поэтому просто глазел на портреты и прислушивался к беседе.

Сказать по правде, я не знал, как себя вести с нашими афганскими партнерами, так что от активного участия в разговоре решил воздерживаться. Сначала нужно отработать себе линию поведения, а потом уж ее реализовывать на всю катушку. Так что я просто сидел, слушал, запоминал, наблюдал за реакцией собеседников, пытаюсь составить свое мнение о партнерах, определиться в отношении к ним. Во мне говорил контрразведчик, который попал в общество представителей иностранной спецслужбы. И хотя на данный момент предполагалось, что они как бы дружелюбно к нам настроены и

мы являемся партнерами, неизвестно, что будет потом: будущее туманно и непредсказуемо.

Тут за окном послышался шум подъехавшей машины. Это был автобус с нашими курсантами.

Когда мы спустились на асфальтированную площадку у центрального входа, курсанты уже ожидали нас, построившись в две шеренги. Это были молодые худощавые ребята примерно одного возраста: от двадцати до тридцати лет. Все были одеты в полевую военную форму, на ногах – армейские башмаки. Полковник Хабиби пояснил, что впредь – в целях конспирации – курсантов будут привозить сюда в гражданской одежде, а здесь они будут переодеваться в военную форму. Возражений не было.

Выйдя перед строем, Долматов встал по стойке смирно, молча обвел взглядом лица курсантов, а затем хриплым, отрывистым командирским голосом прокричал:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Все присутствовавшие при звуках внезапно прозвучавшей команды приосанились, тоже стали смирно. Наш бородастый Слава бойко, стараясь повторить интонации, тут же перевел с русского на дари. Курсанты, показывая знание азов начальной строевой подготовки, нестройно и неразборчиво, но с энтузиазмом ответили на приветствие.

– Поздравляю вас с началом занятий! – продолжил на той же ноте неутомимый Долматов.

Строй отозвался чем-то вроде нашего «Ура!»

Глава 10

Занятия начались в тот же день.

Хитроумный и опытный Долматов решил сразить всех сразу наповал, начав процесс обучения с так называемой «показухи» – показательного занятия, в ходе которого мы должны были вместе с ним продемонстрировать то, чему мы научим наших подопечных.

Мы скинули с себя гражданскую одежду и облачились в нашу легкую, ладно и крепко сшитую спецназовскую форму.

Построив курсантов кружком на лужайке (чуть в отдалении стал полковник Хабиби со своей свитой), Долматов хриплым и бодро-мужественным голосом, с паузами для перевода, рассказал, что ровно через месяц мы сделаем из курсантов суперменов, которые будут владеть не только необходимыми для контрразведчиков теоретическими познаниями, но и станут неотразимыми бойцами, настоящими мастерами рукопашного боя, перед умениями которых померкнут даже каратисты-попрыгунчики из японских и китайских фильмов.

После краткого вступительного слова мы перешли к демонстрации того, чему грозились обучить притихших афганцев.

Для начала Долматов продемонстрировал на мне различные способы силового задержания противника: «загиб руки

за спину» и прочие «цветочки». А потом пошли «ягодки». Я нападал на Долматова с кулаками, пытался ударить его ногой, а он ловко, как бы играючи, отражал все мои удары, с бросками и завершающими ударами ногой. Проводя каждый прием, Долматов громко пояснял, что и как он делает. Слава добросовестно переводил.

Потом мы показали притихшей аудитории рукопашный бой-спарринг, в котором я, естественно, получил кучу гулких впечатляющих ударов, несколько раз был повергнут на землю, но неизменно после очередного практически «смертельного» удара красиво вскакивал и нападал вновь.

Наконец, после очередного удара, от которого в очередной раз оказался на земле, я якобы впал в бешенство: вскочил, затравленно огляделся вокруг, кинулся к сложенным под деревом нашим вещам и оружию и выхватил из ножен финку. Наши легковверные зрители ахнули, испуганно загалдели и попятились назад. А я с мерзкой и кровожадной улыбкой прирожденного убийцы-живореза стал приближаться к Долматову, угрожающе жестикулируя и размахивая сверкающим на солнце остро отточенным лезвием ножа. Нас бросился «разнимать» наш «подсадной» – переводчик Слава. Однако я сделал в его сторону выпад, и Слава отбежал на безопасное расстояние.

Долматов весьма артистично изобразил на лице и во всей своей фигуре страх и стал пятиться от меня. С победным ревом я вскинул нож и бросился на него... и в тот же момент в

ходе четко проведенного приема (шаг вперед, пригнувшись, под удар, левая рука вверх, защита, остановка и захват руки, одновременно маховый удар ногою в пах – и-и-и р-р-аз! – резкий поворот, бросок через плечо – и-и-и два! – завершающий удар ногой по ребрам – и-и-и три!) оказался на земле. Вуаля!

Все произошло быстро, но очень четко и красиво, а главное – натурально. Я громко припечатался о землю, прихлопнув ногой и плашмя рукой. Уж что-что, а падать красиво и без травм Долматов научил нас хорошо.

На афганцев наш трюк произвел нужное впечатление. Они громко загалдели, но, не дав аудитории отвлечься на обсуждение увиденного, я быстро вскочил, нащупал в траве выскочивший из руки нож и снова кинулся на Александра Ивановича. Я варьировал удары, бил тычком, махом, сбоку, снизу, сверху. Но тщетно!

Каждый раз моя атака заканчивалась либо крепким захватом, либо эффектным броском, каждый раз я, вооруженный ножом, оказывался побежденным безоружным Александром Ивановичем.

Отражая мои атаки, Долматов не забывал пояснять свои действия (Слава переводил) и время от времени щедро обещал наши курсантам, что скоро они так же научатся бороться против вооруженного противника.

А я тем временем уже схватился за автомат с примкнутым ножевым штыком. Но и тут, все мои атаки штыком и при-

кладом оканчивались плачевно и пресекались Долматовым самым решительным образом.

А Александр Иванович уже приступил к показу способов бесшумного снятия часового: я расхаживал с автоматом на груди возле дерева, а он, применяясь к местности, подкрадывался и внезапно набрасывался на меня с ножом, с удавкой, без ничего, с голыми руками... Результат был всегда неизменным.

И вот наступило время заключительного аккорда.

Я, имитируя часового, стоял, прислонившись спиной к дереву, автомат в руках. Долматов подкрадывался ко мне. Но кустики кончились, дальше открытое пространство.

– Что делать? – вопрошает Долматов у курсантов. – На открытом месте он меня увидит и убьет из автомата! Курсанты не знали, что делать. Долматов прицелился в меня из пистолета, но отложил его:

– Стрелять не могу – противник услышит! Что делать? – продолжал он интриговать публику.

Затаившая дыхание публика не знала, что делать, но всем своим видом показывала уверенность в том, что находчивый Александр Иванович обязательно найдет выход из создавшейся ситуации. Ей-богу, эти ребята смотрели нашу «показуху», как кино! Краем глаза я успел заметить, что полковник Хабиби тоже с величайшим интересом следит за нашим представлением и, как и все, увлечен происходящим.

И тут Александр Иванович ставит красивую точку: он

резко взмахнул рукой, и увесистый «НР» («Нож разведчика»), сверкнув кромкой отточенного лезвия, коротко прошестел в воздухе (в-ш-ш-и-и-к!) и гулко воткнулся в ствол дерева в пяти сантиметрах от моей шеи! Все.

Потрясенное молчание. Взрыв оваций. Поклоны. Занавес.

Загалдев, курсанты сломали строй и подбежали к нам. Улыбались, жали руки. Попытались вытащить «НР» из ствола дерева, но – слабаки – не смогли: глубоко засел. Я небрежно, одной рукой выдернул нож и вложил его в ножны.

Тут подошел ко мне Слава-переводчик и сказал, что курсанты хотят пощупать, все ли ребра у меня сломаны. От себя он добавил:

– Они, кажется, думают, что у тебя вокруг туловища прокладки от ударов. Я благосклонно разрешил. Никаких прокладок, смягчающих удары, не оказалось, и ребра все были целы.

Прирожденный педагог Александр Иванович тут же обыграл ситуацию:

– Товарищи курсанты! Если вы будете нас слушаться, стараться и беспрекословно выполнять все, что мы вам скажем, вы станете такими же крепкими, как он! – жест в мою сторону, – и ни один враг революции вас не сломит!

Товарищи курсанты изъявили полнейшую готовность поступить в наше распоряжение, причем немедленно.

С переездом на виллу жизнь стала приятной и окрасилась

разнообразными и яркими впечатлениями. Выезды в Пагман и занятия с контрразведчиками чередовались с выездами в город для изучения и разведки объектов, проработки маршрутов, вояжами по местным лавкам.

Учить афганцев навыкам рукопашного боя оказалось занятием достаточно трудным. Дело в том, что в их системе дошкольного и школьного образования практически отсутствует такой предмет, как физкультура. Поэтому у наших подопечных не было наработок мускульной памяти. Так что нам пришлось восполнять пробелы физического образования у наших курсантов и набирать им эту самую мускульную память, координацию движений.

И вот наконец мы решили, что пришло время для обучения наших курсантов в спарринге. Отрабатывали прием «маховый удар ногою в пах» и защиту от него.

Александр Иванович показал прием на мне. Он нанес удар, я, отступив правой ногой назад, прогнулся вперед, выводя корпус из-под удара, и одновременно поставил предплечьями крест-накрест защиту. Показали еще раз, в замедленном темпе. Потом я наносил удар, а Долматов защищался.

– Все поняли?

– Да, поняли.

Поставили группу в круг, лицами в середину, все наносили удар по воображаемому противнику, а я бегал по кругу, поправлял, потом все отрабатывали защиту.

– Ну что? – спросил меня Долматов, когда я подбежал к нему.

– Да так, в целом вроде бы усвоили, можно ставить в спарринг!

– Рановато, давай еще! Мне травмы не нужны!

И снова я, как борзой кобель, носился по кругу, показывал, объяснял, потом они наносили удары мне, а я ставил защиту. Потом я имитировал удар, а курсанты защищались.

Наконец Долматов потребовал внимания:

– Товарищи курсанты! Сейчас вы разделитесь на пары и будете отрабатывать удар друг на друге! Помните, что перед вами стоит не враг, а ваш товарищ по партии, по работе! Поэтому не бейте изо всех сил! Сначала все движения надо проделывать медленно, чтобы вы их запомнили и чтобы мы могли вас поправить! Все поняли?

– Да... Поняли!

Я оглядел наших курсантов и заметил, что у некоторых из них появился в глазах нехороший азартный блеск, кое-кто сделал зверское лицо, оскалил зубы. Взглянув на их тяжелые военные ботинки с подковками, я успел подумать, что добром это не кончится. Хотел сказать Долматову, но не успел.

– Внима-а-ние. Пригото-о-овиться. Пр-р-р-ием!

И в следующий момент пять наших курсантов замертво свалились на землю. Скорчившись в три погибели, хватая широко открытыми ртами воздух, они катались, зажимая руками пораженные гениталии. Еще человек шесть потирали

ушибленные бедра.

Ни хрена у них не получалось!

– Эх, эт-т-ить твою мать! – в сердцах воскликнул Александр Иванович. Поверженных бойцов мы отнесли на пригорок, поставили на колени, головой к земле, задом вверх.

– Чтоб кровь отливала от паха! – пояснил озабоченный Долматов. Мы приняли решение в ближайшем обозримом будущем, во избежание травм и кровопролития, занятия в спарринге пока не проводить. Пусть тренируются на воображаемом противнике.

– Все это хорошо, а вот как они у нас зачет будут сдавать? – спросил я. – Да и для работы им надо: ведь мужики служат и уже активно участвуют в боевых операциях!

– Да. Это вопрос! – задумчиво сказал Долматов.

– А я что говорю! Надо что-то придумать.

И тут я заметил, что Александр Иванович с интересом и как-то оценивающе приглядывается ко мне. Он с минуту помолчал, а потом заявил:

– Слушай, так они действительно ничему не научатся... Знаешь что... Давай они на тебе будут отрабатывать и удары, и защиту! Ну как, выдержишь? Хватит силенок?

Неожиданный поворот! Это что же, пусть меня калечат? А впрочем. Вряд ли эти валенки смогут это сделать даже при большом желании. А для меня будет хорошая дополнительная тренировка.

Я сказал, что силенок-то хватит, но лучше было бы пере-

обуть наших курсантов в какие-нибудь тапочки.

– А то в ботинках им, нетренированным, будет тяжело бегать и заниматься.

Долматов заулыбался и, похохатывая, пообещал, что обязательно поговорит по поводу тапочек с полковником Хабиби. Через два дня по указанию полковника Хабиби для наших курсантов были закуплены легкие спортивные тапочки – дешевые китайские полукеды.

Глава 11

Все шло своим ходом, однако одна мысль не давала мне покоя. Дело в том, что, занимаясь в Пагмане с нашими курсантами, я постоянно удивлялся, почему никто из нашей резидентуры не проявляет интереса к этим ребятам. А между тем наши курсанты являли собой идеальную вербовочную базу. Настроены просоветски, с хорошим общеобразовательным уровнем, уже занимают соответствующие должности в аппарате контрразведки, имеют реальные перспективы продвижения по службе! Ну что еще надо?

Я заговорил как-то на эту тему с Долматовым, однако Александр Иванович прямо заявил мне, что в этих делах особо не разбирается.

– Если хочешь, попробуй поработать с ними, – сказал он, – но имей в виду: если будет с твоей стороны прокол – пеняй на себя! В общем, здесь я тебе не советчик. Делай, как

знаешь.

Я решил работать. Соберу, думал я, хотя бы первичные материалы на каждого курсанта: установочные данные, политические убеждения, место работы и должность, родственники, связи и прочее. Подготовлю фотографии, потом подработаю наиболее перспективных. И сдам все в резидентуру. Пусть они доводят до ума. А то жалко ведь! Пропадает такой контингент!

Работа у меня пошла хорошо. Афганцы мне полностью доверяли, как доверяют ученики преподавателям иностранного языка и тренерам. Я быстро перезнакомился со всеми и часто беседовал с ребятами «по душам»: с кем на русском языке, с кем на английском, с кем через переводчика Славу, который, кстати, тоже мне здорово помогал.

Курсанты рассказывали мне много интересного не только о себе, но и о своей работе, о некоторых конкретных делах, об оперативной обстановке в городе и его окрестностях, о политической ситуации, как они ее понимали.

Оказалось, что все они практически круглосуточно были задействованы в различных контрразведывательных мероприятиях, причем основная работа заключалась в поиске и арестах так называемых «врагов народа» – «парчамистов». Операции шли по накатанной дорожке: сигнал от агентуры, засада по месту жительства и в местах вероятного появления, захват «парчамиста», короткий допрос, обыск в доме, расстрел. Если дом хороший – его конфисковывали в пользу

государства вместе со всем содержимым (составление описи и т. д.), а если хибара – сжигали к едрене фене!

– А как же жена, дети, родственники? – спрашивал я.

– Так они же тоже враги народа, были все заодно... – отвечали курсанты, удивляясь про себя непонятливости своего любопытного советского друга, – кого тоже под расстрел, а кого в тюрьму Пули-Чархи. Неизвестно еще, что лучше!

На одном из занятий мы учили афганцев работать с удавкой. Как всегда: нападение, защита. А на следующий день один из курсантов, думая, что делает мне приятно, похвалился:

– Вчера ночью мы ловили одного опасного «парчамиста». Раньше майором был, а потом перешел на нелегальное положение. Он хотел убежать через двор, а я наискосок, через крышу сарая, а потом как прыгну на него сверху! И удавкой, как вы учили! У него аж глаза повылезали, а язык вылез вот на столько! Здорово! Мне потом все ребята завидовали. И начальник похвалил!

Во дела! Конечно, с одной стороны, это хорошо, что наша наука не пропадает даром, но. во всем этом было что-то не то. Ведь в принципе то, чему мы обучали наших курсантов, они должны были использовать против вооруженного противника, в боевой обстановке или хотя бы в ситуации, приближенной к боевой! Хотя. С другой стороны, если вдуматься, то обстановка здесь и так приближенная к боевой. По ночам да и днем стреляют. Рвутся мины-сюрпризы. То

тут, то там диверсии, поджоги. Контрреволюция! Против существующего режима идет война и в полевых, и в городских условиях. Конечно же, под эту марку списываются и другие дела: борьба за власть среди лидеров режима, личные амбиции, партийные склоки... Это все ясно: нет человека – нет проблемы! Короче говоря, получается, что лес рубят – щепки летят. Наверное, и у нас в свое время так было... Кучу народа зазря положили. Во имя принципов и святых идеалов. Можно ли иначе? Наверное, можно. Но ведь все это не зависит от конкретных исполнителей, от рядовых бойцов, от людей, которые посланы приказом и которые связаны присягой и погонами. Во все времена приказ командира – закон для подчиненного. За неисполнение приказа в боевых условиях – позорная смерть.

Эх. Здесь сам черт ногу сломит. Как прав был товарищ Сухов, когда он говаривал: «Восток – дело тонкое!»

Ну ладно. Посмотрим с другой стороны. Афганистан граничит с Советским Союзом. Нам небезразлично, что здесь происходит. Если нынешний режим удержится на плаву – хорошо для нас. А если не удержится? А если к власти придет проамериканский режим? Тогда все ясно. Американцы наверняка разместят здесь свои ракеты средней дальности, которые будут простреливать всю нашу европейскую территорию. Из Ирана-то их выкурили! Надо наверстывать... Кроме того, у американов появится прекрасная возможность мутить воду в наших, и без того не очень-то чистых, среднеази-

атских республиках. Там и без них творится черт знает что. Таким образом, находясь здесь и способствуя укреплению нынешнего режима, мы фактически защищаем свою страну. Ведь хоть все и бубнят про разрядку, а холодная война продолжается полным ходом. Есть НАТО, есть потенциальные противники, есть и главный противник. Вон, американские «зеленые береты» пристреливают свои новые автоматические винтовки с «прыгающим патроном» по овцам, прикрытым попонами из русского солдатского шинельного сукна. Мол, чтоб все было, как взаправду, и как поведет себя новый боеприпас в живой плоти под шинелью.

Так что с этой стороны все в порядке. Афганистан – это зона наших государственных интересов. Поэтому мы здесь. Хотя – невинных людей все-таки жалко.

Глава 12

А на местном политическом горизонте сгущались мрачные тучи, предвещавшие крепкую грозу, перемену ветра и обязательное в таких случаях обильное кровопускание.

Улыбающийся с многочисленных портретов в присутственных местах Хафизулла Амин упорно рвался к власти. Он ловил удобный момент, чтобы навсегда распрощаться с «вождем народа», «учителем и отцом» Тараки, скинуть его с партийного и президентского поста и взять всю полноту власти в свои руки.

В это время благодушно настроенный Тараки гостил на Кубе у Фиделя Кастро. Домой он будет возвращаться через Москву, где встретится с Леонидом Ильичом Брежневым. Будут поцелуи, заверения в нерушимой дружбе и любви...

А между тем дни Генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана и первого Президента Афганистана Нур Мухаммеда Тараки были сочтены. Его планировали застрелить у трапа самолета в Кабульском международном аэропорту.

Однако судьба распорядилась иначе. Воистину, кому суждено быть повешенным, никогда не утонет! Не без вмешательства нашей резидентуры, которой удалось получить упреждающую информацию о готовящемся теракте, акцию удалось сорвать.

Вспоминая те времена, я с удовлетворением могу констатировать тот факт, что к срыву террористического акта в Кабульском аэропорту я тоже имел хоть и небольшое, но достаточно прямое отношение.

Проводя работу по изучению наших курсантов, я выявил несколько ребят, которые, как оказалось, люто ненавидели Хафизуллу Амина.

Один из них, двадцатипятилетний выпускник Кабульского университета по имени Асад, как-то обратился ко мне:

– Не верьте Хафизулле Амину! – возбужденно зашептал Асад. – Он – враг народа!

Я сделал «большие глаза»:

– Для таких обвинений нужны серьезные основания.

– Честное слово! Он – фашист! Знаете, сколько невинных людей убито по его приказу? Он. – тут афганец сделал паузу и, облизав враз пересохшие губы, выдохнул: – он. хочет убить. Тараки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.